

**РЕВОЛЮЦИОНЕР ИЗ ВИТЕБСКИХ ЯНОВИЧ
И «КРАСНЫЙ ИМПЕРАТОР КАНТОНА»:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
М.М. БОРОДИНА (ГРУЗЕНБЕРГА)**

В.А. Космач

Бородин (наст. Фамилия – Грузенберг) Михаил Маркович родился 9 (21) июля 1884 г. в местечке Яновичи Витебского уезда (теперь – Витебский район) Витебской губернии (теперь – Витебская область) Российской империи (теперь – Республика Беларусь). Различные энциклопедические издания представляют его как революционера (действовал под партийными псевдонимами «Кирилл» и «Ванюшин»), деятеля Коминтерна, журналиста, советского государственного и партийного деятеля. Умер 29 мая 1951 года. Интернет-издание «Википедия» называет М.М. Бородин (Грузенберга) российским революционером, агентом Коминтерна, советским государственным и общественным деятелем.

По В.В. Вишняковой-Акимовой, он «был высокого роста, носил китель и брюки навыпуск, говорил гулким, густым басом, который шел к его большой, уже слегка отяжелевшей фигуре. Двигался Михаил Маркович легко и бодро, несколько откинувшись назад. У него были черные, уже начавшие редеть волосы, которые он зачесывал на косой пробор» (речь идет о 1926 г.).

Фамилию Бородин М.М. Грузенбергу посоветовал взять Лев Михайлович Карахан (Караханян), заместитель Г.В. Чичерина, в 1918 г. «Мне нравится имя, – написал М.М. Грузенберг (Бородин) Льву Карахану, – которым Вы меня наделили». Среди советских советников в Китае у Сунь Ятсена в 1920-е гг. наибольшей популярностью пользовался Бао Лотин. Это был М.М. Бородин (Грузенберг), возглавлявший группу советских спецов в Китае в 1923-1927 гг. М.М. Бородин (Грузенберга) в мировой печати 1920-х годов часто называли «красным императором Кантона», «красным Ришелье» и «красным Лафайетом». Сунь Ятсен величал его «советским Лафайетом». В «Большой Советской Энциклопедии» 1927 года издания он представлен как «высокий советник» («HighAdviser») Центрального исполнительного комитета (ЦИК) китайской политической партии Гоминьдан.

Родился М.М. Грузенберг (Бородин) 9 (21) июля 1884 г. в местечке Яновичи Витебского уезда (теперь – Витебский район Витебской области Республики Беларусь). Это была бедная еврейская семья. Однако считать М.М. Грузенберга (Бородин) евреем будет не совсем правильно, поскольку отец Михаила Марковича был евреем, а мать – армянкой. Детство своё М.М. Грузенберг (Бородин) провёл в Прибалтике, в Латвии, где учился в русской школе, по окончании которой поступил в университет и стал студентом.

Совсем юношей в начале 1900-х гг. он примкнул к революционному движению и первое время входил в Бунд. С 1903 г. М.М. Грузенберг (Бородин) стал большевиком поддержав ленинскую платформу в РСДРП. С конца января 1905 г. работал в Риге, среди латышских социал-демократов под партийным псевдонимом «Кирилл», и входил в состав существовавшего там федеративного Комитета, объединявшего представителей РСДРП, латышских социал-демократов и Бунда. Здесь Михаил Маркович быстро выдвинулся как хороший организатор и стал известен среди широких слоёв рабочих в качестве живого и популярного оратора и пропагандиста. Он был избран одним из секретарей рижской организации РСДРП(б). От рижской партийной организации большевиков М.М. Грузенберг (Бородин) принимал участие в работе Таммерфорской конференции РСДРП в 1905 г. и IV-го (Объединительного) съезда РСДРП в 1906 г.

После возвращения со съезда М.М. Грузенберг был арестован, но вскоре отпущен, а затем эмигрировал вначале в Великобританию, а потом в США. В Лондоне и Чикаго

М.М. Бородин занимался научной и педагогической работой. В 1908 г. он организовал в Чикаго школу для эмигрантов («Progressive Preparatory School»). В Америке М.М. Грузенберг состоял ещё членом Социалистической партии («Socialist Party of America») и исполнял обязанности казначея Общества помощи русским политзаключённым, организованного в 1909 г. Как указано в томе третьем «Большой Советской Энциклопедии» (М.,1970), с начала 1907 г. и до июля 1918 г., находясь в США, где организовал школу для политэмигрантов, М.М. Грузенберг (Бородин) активно участвовал в работе Социалистической партии Америки (СПА), из левого крыла которой в 1919 г. образовалась Коммунистическая партия США. Понятно, что в США М.М. Грузенберг (Бородин) был на слуху у Л.Д. Троцкого (Бронштейна) и мог встречаться с ним.

В июле 1918 г. М.М. Грузенберг (Бородин) приехал в Москву и сразу же «вошёл в местную партийную работу». Активно участвовал в создании III (Третьего) Коммунистического Интернационала. В тоже время М.М. Бородин начал работать в наркоминделе (НКВД), что сыграло немаловажную и переломную роль в его дальнейшей судьбе и политической биографии.

«Летом 1918 г., - отмечали В.Л. Хейфец и Л.С. Хейфец, - оставив семью в Чикаго М. М. Бородин через Скандинавию вернулся в Россию. Для России Советов это был критический момент — началась интервенция стран Антанты. Как воздух, была необходима большевикам любая поддержка. Поэтому Ленину пришлось очень кстати услышанная от Бородина (беседа состоялась в середине августа) информация о том, что американцы солидарны с большевиками, и он предложил Бородину доставить в США «письмо к американским рабочим», которое он, председатель Совнаркома, напишет. Через короткое время Ленин передал ему послание, начинающееся со слов: «Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам».

Но довести до конца эту миссию ему не удалось. В Скандинавии дипломатические паспорта Бородина и его напарника Петра Травина никто не признавал. Травина выручила членская книжка Американского союза моряков, полученная, когда он под видом кочегара пробирался домой из Америки. Ему удалось наняться плотником на пароход, отправлявшийся в Нью-Йорк. «Жаль было расставаться с таким верным товарищем, как Бородин, но пришлось» По возвращении в Москву Бородин принял участие в учредительном Конгрессе «мировой коммунистической партии» – Третьего Коммунистического Интернационала, надолго ставшего местом его новой работы, сделавшей его известным всему миру. М. Бородин стал единственным «агентом Коминтерна», которому удалось в один из периодов своей активности в этом качестве функционировать легально и прославиться.

В апреле 1919 г. он вновь покинул Москву, имея директивы Совнаркома и ИККИ. Руководство Коминтерна предполагало использовать европейский кризис конца 1918 – начала 1919 гг., в частности, рост революционных выступлений в Германии. Но конечной целью путешествия Бородина была Мексика. 16 апреля Ленин подписал документы, согласно которым «правительство РСФСР Советов назначило своим Генеральным консулом при правительстве Мексиканских Соединенных Штатов гражданина М. М. Грузенберга и поручило ему вступить от имени Правительства Российской Республики в переговоры с Правительством Мексиканской Республики с целью установления соглашения между Правительствами обеих Республик по вопросам поддержания дружественных отношений между ними, установления торговых отношений, защиты прав и интересов граждан на территориях договаривающихся Республик и всех государственных и общественных групп, как российских в пределах Мексиканской Республики, так и мексиканских в пределах РСФСР, а также уполномочивает его заключить и подписать от имени РСФСР предварительное торговое соглашение».

Незадолго до этого Ленин беседовал с Бородиным, после чего передал записку Л.Б. Красину с просьбой принять того, отметив: «Рекомендую его очень»

Направление Бородина в Мексику не было случайным. Это была единственная латиноамериканская страна, не разорвавшая после прихода большевиков к власти дипломатические отношения с Россией, а лишь приостановившая их. Кроме того, Мексика переживала сходные с Россией события: революция, серьезные трения с США, изоляция в мире. Однако дипломатическая цель поездки была не основной. Бородин вез с собой средства для советского полпредства в США и коммунистов Нового Света. Но «главной миссией Бородина», даже «если бы он стал посланником в Мексике,— считал его соратник Ч. Филипс (М. Гомес),— было финансирование и управление организацией, которую мы сейчас называем коммунистическим движением Латинской Америки, с Мексикой в качестве его центра». Судя по «Воспоминаниям» М. Н. Роя, в Москве не считали, что это может испортить отношения с Мексикой, а даже рассчитывали на поддержку президента страны В. Каррансы, имея в виду антиимпериалистическую направленность будущего коммунистического движения, вполне сочетавшуюся с основным вектором внешней политики мексиканского правительства — противостоянием с США.

Поездке Бородина предшествовала длительная подготовка, она имела серьезное дипломатическое прикрытие. Л. Карахан, один из руководителей НКВД РСФСР, сумел убедить исполняющего обязанности генконсула Мексики в России в необходимости выдать Бородину мексиканский дипломатический паспорт... и даже назначить его вице-консулом Мексики в Москве (!) 18 апреля 1919 г. вместе с секретарем мексиканского консульства Бородин отбыл из Москвы с чемоданом пропагандистских материалов, под которыми в тайнике были запрятаны бриллианты. В Берлин он доставил инструкции ИККИ для компартии Германии, находившейся в трудном положении после убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта и ареста эмиссара Коминтерна К. Радека.

Недолгое пребывание в Германии Бородин использовал для посещения посольства Мексики, сотрудник которого сообщил в Мехико: «Несколько дней назад... представились... сеньор Хорхе Вильярдо, назвавшийся секретарем нашего консульства в Москве, и сеньор Майкл Грузенберг, назвавшийся вице-консулом... Грузенберг — американец из Калифорнии, испытывающий симпатии к Мексике, человек умный, занимающийся торговлей и увлеченный политическими и социалистическими преобразованиями в России... Грузенберг сообщил мне, что вскоре едет в Мексику...».

Значительным был вклад Бородина в организацию Мексиканской компартии. Его приезд в страну и влияние на лидеров Социалистической партии (в первую очередь — Роя) ускорили процессы, уже назревавшие в социалистическом движении. Полномочия же Бородина были, очевидно, очень весомыми, позволявшими действовать достаточно автономно от штаб-квартиры Коминтерна (о чем свидетельствует написанное им от имени Секретариата ИККИ послание Национальному социалистическому конгрессу). Вряд ли он мог позволить себе такую вольность, не имея на это полномочий, понимая, что при возвращении в исполком Коминтерна он может быть за это наказан. Как несомненный успех следует расценивать решение мексиканских коммунистов, принятое по совету Бородина, направить делегатов на II конгресс Коминтерна. Участие в нем первой латиноамериканской делегации способствовало росту престижа Третьего Интернационала как организации, имеющей сторонников во всем мире.

Поездка из Мексики в Москву была для Бородина сложной и ответственной. Много проблем предстояло «агенту Коминтерна» решить в Европе, куда он отправился вместе с Ч. Филипсом. В Испании он вошел в контакт с представителями групп внутри Социалистической рабочей партии, ратовавших за ее вступление в Третий Интернационал, с лидерами профсоюзов Д. Ангиано и А. Пестаньей. Бородин обещал «братскую помощь», как только компартия будет создана. Но долго на Пиренеях он

задерживаться не мог и в апреле 1920 г. вернулся в Москву. Авторитет его в большевистском руководстве сильно вырос. По словам американского историка Т. Дрейпера, в глазах иностранных коммунистов Бородин стал «одним из наиболее убедительных и привлекательных большевистских пропагандистов, когда-либо посланных Москвой для распространения мировой революции».

Он не входил в Исполком Коминтерна, хотя об этом и пишут некоторые его биографы. Роль и место Бородина в иерархии мировой компартии определялись реальной деятельностью по организации национальных секций и их связей с ИККИ. Но он по-прежнему остается в тени. В Москве Бородин продолжает опекать неопитов, хотя они уже начинают играть самостоятельную роль как делегаты II конгресса, активно работает с другими гостями столицы Советской России: со знаменитым Энвер-пашой, турецким лидером, который пытался сотрудничать с коммунистами, но затем стал поддерживать басмаческое движение. Некоторые авторы считают, что Бородин был советником Мустафы Кемала (Ататюрка), но это вряд ли возможно: жизнь его достаточно изучена, и времени для поездки в Турцию в ней не находится.

Посчастливилось Михаилу Марковичу общаться как другу и наставнику с известными деятелями мировой культуры, совершившими паломничество в революционную Мекку, с танцовщицей Айседорой Дункан и скульптором Клер Шеридан, родственницей У. Черчилля, которая собиралась лепить бюсты Ленина, Троцкого и других вождей Советской России. Провожая ее к Ленину, он сказал: «Сейчас Вам предстоит создать самое лучшее из всего, что было создано Вами за всю жизнь». Очарованная Бородиным, Шеридан даже посоветовала Ленину назначить его послом в Англию.

В октябре 1920 г. Бородин снова в Мадриде. Официально — как делегат Всемирного почтового союза и сотрудник НКВД. Скорее всего, мандат скрывал его деятельность по линии Коминтерна, или он, как это было в Мексике, параллельно решал несколько задач. Подтверждением этого предположения может служить совместное путешествие с ним Ч. Филиппа и Л. Фрайны, уже проявивших себя умелыми организаторами. Помимо Испании, Бородин побывал в Берлине, где вновь пытался посредничать между немецкими коммунистами.

Сильно сблизился М.М. Бородин (Грузенберг) с индусским революционером М. Роем, который на II конгрессе Коминтерна представлял коммунистов Мексики и Индии. М. Рой был учеником М. Бородина. На II конгрессе Коминтерна Рой был избран членом ИККИ. Ленин предложил ему подготовить тезисы по национально-колониальному вопросу в дополнение (в противовес?) его собственным. Он популярен в России и Коминтерне: избирается от него делегатом XIV съезда партии большевиков, членом Моссовета созыва 1925 г. Компартия Индии, одним из основателей которой он становится, выписывает ему членский билет за № 4.1923 г. сыграл важную роль в жизни и Бородина, и Роя. Это был год несостоявшегося триумфа ученика и начало восхождения к славе учителя.

Коминтерн и большевистское руководство пришли к выводу, что созрела «вторая германская революция», и решили «помочь» немецкому пролетариату в ее осуществлении. Была создана оперативная группа, возглавившая подготовку вооруженного восстания в Веймарской Республике. В Германию нелегально с этой целью приехали Е. Д. Стасова, К. Радек, М. Н. Тухачевский. «Председателем ревкома Германии» был, как он указывает в своей биографии, Август Гуральский («Клейн»), в то время представитель ИККИ в Германии, член руководства КПГ, а впоследствии — секретарь южноамериканского бюро Коминтерна в Буэнос-Айресе и Монтевидео (1930-1934 гг.).

Миссия Роя и его соратников не привела к успеху вовсе не потому, что они были плохими вождями. Сама по себе идея инспирировать революцию в Германии была авантюрой от начала до конца. И, к счастью, это вовремя поняли в ЦК РКП(б), отменив, буквально в последний момент, вооруженное выступление.

А вот Бородин ждал на политическом поприще удача, хотя ему тоже пришлось переключиться с проблем Запада на азиатские. 2 августа 1923 г. Политбюро РКП(б) по предложению Сталина принимает постановление назначить Бородин политическим советником при Сунь Ятсене, поручив ему руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, «отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма...». Для Михаила Марковича, как вспоминал его сын Норман, это решение явилось полнейшей неожиданностью. Он предполагал, идя в ЦК, что ему предложат работу с компартиями Западной Европы, США или Латинской Америки.

В январе 1923 г. Сунь Ятсен обратился к Советскому Союзу с просьбой оказать поддержку революционному движению в Китае. В обращении в Москву, переданном через главу советской дипломатической миссии в Китае А. А. Иоффе, Сунь Ятсен подчеркивал, что он «хотел бы воспользоваться советами и помощью в преобразовании Гоминьдана, создании революционной армии, организации похода на Север для объединения страны, а также получить финансовую поддержку для всех планируемых начинаний».

Это обращение Сунь Ятсена не было случайным. Его, долгое время искавшего пути социального и политического обновления Китая, живо интересовали события в России. Еще в 1921 г. Сунь писал наркому по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину: «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования». Внешнеполитический курс страны Советов в отношении Китая – курс мира, дружбы, поддержки революционных сил – делал вполне закономерным решение Сунь Ятсена опереться на поддержку советских людей в борьбе за объединение и освобождение Китая.

1 мая 1923 г. правительство Советского Союза направило Сунь Ятсену телеграмму с выражением готовности СССР оказать Китаю необходимую поддержку. Важнейшей формой помощи, начатой в соответствии с договоренностью, была посылка в Китай добровольцев – военных, политических и других советников. Главным политическим советником правительство направило М. М. Бородин. Рекомендуя его Сунь Ятсену, Л. М. Карахан писал 23 сентября 1923 г.: «Тов. Бородин – один из старейших членов нашей партии, много лет участвовавший в революционном движении в России. Считайте, пожалуйста, т. Бородин не только представителем правительства, но и моим личным представителем, с которым Вы можете говорить также дружественно, как со мной». В общей сложности в Китай из СССР в 1924-1927 гг. было направлено 135 советников. Самыми известными из них были М.М. Бородин, А.С. Бубнов, Г.Н. Войтинский, В.К. Блюхер, П.А. Павлов, А.И. Черепанов [1, с.74-75].

В начале октября 1923 г. М. М. Бородин прибыл в Гуанчжоу, в резиденцию Сунь Ятсена. Это было бурное время: развертывалось стачечное движение китайского пролетариата, оформлялся единый антиимпериалистический фронт, одновременно нарастала и усиливалась борьба внутри этого фронта. Одним словом, это были годы революции. Бородин был тепло встречен Сунь Ятсеном. Как сообщает в своих воспоминаниях жена Михаила Марковича, Сунь Ятсен долго расспрашивал его о Ленине. «Он, – пишет Ф. С. Бородин, – неоднократно называл Ленина самым большим другом Китая и высказывал самую сердечную благодарность нашей партии и Советской стране, которая так быстро и так искренне откликнулась на призыв о помощи».

Работа советских советников во главе с М. М. Бородиным осложнялась тем, что даже в кругах, близких к Сунь Ятсену, не все одобряли курс Сунь Ятсена на сближение с СССР, с китайскими коммунистами, с рабоче-крестьянскими массами. С первых дней работы в Китае Бородин столкнулся с широкой оппозицией как раз в ближайшем окружении Сунь Ятсена. Эти люди были обеспокоены присутствием советников из СССР, пытались парализовать их полезную для Китая деятельность.

Примерно через месяц после приезда Бородина в Гуанчжоу бывший союзник Сунь Ятсена генерал Чэнь Цзюньмин собрал значительные силы и выступил против гуанчжоуского правительства. Положение стало тревожным, особенно потому, что население города, страдавшее от инфляции и обманутое демагогическими лозунгами Чэнь Цзюньмина, готово было оказать содействие врагу. По просьбе Сунь Ятсена Бородин составил план отпора Чэнь Цзюньмину, причем уделил самое серьезное внимание политической подготовке кампании и предложил с этой целью провести ряд мероприятий, направленных на улучшение положения народных масс. Его предложение было принято. Но как только Чэнь Цзюньмин был отброшен от Гуанчжоу, правые гоминьдановцы сумели убедить Сунь Ятсена в том, что если не приостановить осуществление программы Бородина, которую они называли «советизацией», то китайские эмигранты в странах Юго-Восточной Азии, оказывавшие материальную поддержку гоминьдану, отшатнутся от него. Кстати сказать, за все время пребывания Бородина на посту политического советника Сунь Ятсена это был единственный случай, когда Сунь Ятсен не прислушался к его мнению.

Важнейшей задачей, стоявшей тогда перед революционными силами Китая, было создание единого антиимпериалистического фронта. В соответствии со сложившимися в стране условиями Коминтерн рекомендовал использовать в качестве организационной формы единого фронта блок Компартии Китая с Гоминьданом при сохранении политической и организационной самостоятельности КПК. В то время Гоминьдан пользовался авторитетом в стране и за ее пределами, с ним было связано свержение цинской династии и установление в Китае республики в 1912 г. Однако Гоминьдан в 1923 г. оставался аморфной партией, не имел четкой программы и структуры. Необходимо было его реорганизовать.

Советником по реорганизации Гоминьдана Сунь Ятсен назначил М. М. Бородина. Это решение он обнародовал в речи, обращенной к членам Гоминьдана: «Я попросил господина Бородина, который имеет большой опыт партийной работы, стать инструктором нашей партии, помочь нашим товарищам изучить русские методы борьбы».

Как следует из записок Бородина, первые четыре месяца его работы в Гуанчжоу и были целиком посвящены проблемам реорганизации Гоминьдана. Бородин и приехавшие с ним другие советники много беседовали с руководством Гоминьдана о важности реорганизации партии и определении ее роли и роли рабоче-крестьянских масс в национально-освободительной борьбе. Пришлось потратить немало сил, чтобы убедить лидеров Гоминьдана в необходимости решительно отбросить традиционные взгляды на принципы организации и деятельности партии, в необходимости привлечь к революционной борьбе широкие массы трудящихся и опираться на них, создать условия, которые бы сделали возможным единый широкий антиимпериалистический фронт. Эта деятельность наших советников во главе с Бородиным отразилась в речах и статьях Сунь Ятсена конца 1923- начала 1924 г. Выступая перед членами своей партии, он говорил о необходимости использовать «русские методы» борьбы, «русские методы строительства партии», если Китай желает свершения своих начинаний.

М. М. Бородин участвовал в обсуждении важнейших вопросов в суньятсеновском Гоминьдане; он присутствовал на всех совещаниях, участвовал в подготовке основополагающих документов. Неизменно представляя Бородина своим другом и сторонником, Сунь Ятсен стремился еще более поднять его авторитет. Но нельзя, конечно, упускать из виду, что Бородин был лишь советником Гоминьдана, что он работал в сложнейших условиях, и было бы неправильно переоценивать его влияние на политическую жизнь Китая.

Разработанный при участии М. М. Бородина план реорганизации Гоминьдана состоял в следующем: в первую очередь пересмотреть программу партии, обсудить ее, добиться ее популяризации в массах; выработать устав; создать гоминьдановское ядро в Гуанчжоу и

Шанхае, затем в других районах страны; созвать съезд, который утвердит программу и устав, выберет руководящие органы партии. Этот план послужил программой проведения, всех последующих мероприятий. Бородин принял активное участие в составлении основных документов I съезда Гоминьдана (январь 1924 г.).

Сунь Ятсен высоко оценил деятельность М. М. Бородина по реорганизации Гоминьдана, подготовке и проведению его съезда. 16 февраля 1924 г. Сунь писал Г. В. Чичерину: «Вы совершенно правы в определении основной цели моей партии — создании мощного движения китайского народа, одновременно революционного и созидательного... Мы в настоящее время интенсивно работаем в этом направлении... В связи с этим я выражаю мою глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказывал нам в реорганизации Гоминьдана. Он был неоценим, и его визит является, по-видимому, знаменательным событием».

В речи, произнесённой 25 ноября 1924 г. в Кантоне на собрании районных комитетов и организаторов Гоминьдана Сунь-Ятсен следующим образом охарактеризовал роль М. Бородина: «Чтобы учиться у русских революционеров, я пригласил тов. Бородина руководителем (соратником) партии. Тов. Бородин имеет большой опыт в партийной работе, и я надеюсь, что вы также будете учиться у него».

Уже в период реорганизации Гоминьдана и проведения I съезда этой партии М. М. Бородин установил самые широкие контакты с китайскими коммунистами, особенно с членами ЦК КПК и другими товарищами, работавшими бок о бок с советскими людьми, помогал и им своим советом. Так, во время работы I съезда Гоминьдана очень острым был вопрос о сотрудничестве Гоминьдана с КПК, о вступлении в Гоминьдан коммунистов, без чего эта партия не могла стать партией единого антиимпериалистического фронта. Перед обсуждением этого вопроса на пленарном заседании коммунистическая фракция приняла решение, чтобы представитель коммунистов Ли Дачжао выступил на съезде с изложением причин, по которым коммунисты вступают в Гоминьдан в индивидуальном порядке. М. М. Бородин поддержал это решение, но посоветовал приурочить выступление Ли Дачжао к такому времени, когда на заседании будет присутствовать Сунь Ятсен. В этом совете проявилось правильное понимание Бородиным расстановки сил на съезде, роли и авторитета Сунь Ятсена. Присутствие на заседании Сунь Ятсена и левого гоминьдановца Ляо Чжункая во многом определило отношение делегатов к выступлению Ли Дачжао.

В результате постоянных контактов у М. М. Бородина сложились товарищеские отношения с рядом руководящих работников Коммунистической партии Китая. В его резиденции в Гуанчжоу и Ухане часто бывали Цюй Цюбо, Су Чжаожэнь, Дэн Чжунся, Чэнь Янькянь. Особенно тесные связи установились у него с Чжан Тайлэем. В 1925 г. Чжан Тайлэй был прикомандирован к Бородину для помощи. С этого времени и до отъезда Бородина из Китая они постоянно работали вместе. Чжан Тайлэй сопровождал М. Бородина на ответственные совещания в Политбюро Гоминьдана, был консультантом и переводчиком (с английского) выступлений Михаила Марковича.

В связи с широкими масштабами советской помощи Китаю уже к середине 1925 г. остро встал вопрос о переводчиках с китайского и русского языков. Небольшое число подготовленных переводчиков давали Дальневосточный университет, Ленинградский и Московский востоковедные институты. Однако этого было совершенно недостаточно. Необходимо было готовить кадры переводчиков и из китайцев. Трудность подготовки заключалась в том, что кроме профессиональных языковых знаний переводчику была нужна соответствующая политическая подготовка. Учитывая это в середине 1925 г., по предложению М. М. Бородина, Л., М. Карахана и некоторых других советских работников в Китае, было принято решение организовать при Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве специальное переводческое отделение в составе 100

человек частично из китайских коммунистов, находившихся в Москве, частично из отобранных ЦК КПК в самом Китае.

Контакты и сотрудничество М. М. Бородин с китайскими коммунистами продолжались до последних дней его пребывания в Китае, и, несомненно, деятельность М. М. Бородин и других наших советников в Китае, осуществлявшаяся через них помощь Советского Союза революционному движению китайского народа заметно способствовали тому, что компартия Китая из небольшой, мало известной в стране в начале 20-х годов партии превратилась к 1927 г. в значительную политическую силу. Реорганизация Гоминьдана была первой задачей, решить которую помогли Китаю советские советники. Не менее важно было в короткое время создать революционную армию, способную противостоять многочисленным милитаристским войскам, а также укрепить территорию провинции Гуандун, которая должна была стать базой дальнейшего развертывания революционного движения в Китае.

Организация необходимой для осуществления этой задачи военной помощи также связана с именем М. М. Бородин. Именно он представил Сунь Ятсену первую небольшую группу советских военных советников, ознакомил его с системой политической работы в Красной Армии. В первых же беседах с руководителями Гоминьдана он обращал их внимание на принципы организации и политической подготовки будущих офицеров Национально-революционной армии. Известный советский военный деятель А. И. Черепанов сообщает по этому поводу: «Когда по приезде в Гуанчжоу Бородин охарактеризовал Сунь Ятсену политическую работу в Красной Армии, Сунь Ятсен сделал вывод: «Этого у нас в армии нет. Надо нам все это сделать». После этого политработа была введена в Национально-революционной армии Сунь Ятсена. В составлении программы и в проведении политработы ведущую роль сыграли советские советники и немногочисленные еще армейские коммунисты».

Вместе с нашими военными советниками М. М. Бородин разрабатывал планы создания в Китае революционной армии при помощи нашей страны. По просьбе Сунь Ятсена он сообщал в Москву свои соображения о количественном составе группы военных советников, их специальности. Так, 16 апреля 1924 г. М. М. Бородин и Л. М. Карахан телеграфировали: «1. Необходимо командировать в Кантон группу активных военных работников в количестве 50 человек. 2. Возглавить ее товарищем, имеющим большой боевой опыт и в то же время способным импонировать Сунь Ятсену». Как известно, главным военным советником в Китае был П. А. Павлов, а после его трагической гибели – один из прославленных советских военачальников, впоследствии Маршал Советского Союза В. К. Блюхер.

До приезда основной группы военных советников Бородину пришлось самому выступить в роли военного специалиста при подавлении мятежа купеческих дружин – шантуаней (их тогда звали «бумажными тиграми»). В представленном Бородиным плане разгрома мятежников особое внимание обращалось на сплочение всего гуандунского населения. Бородин особенно настаивал на том, чтобы облегчение тягот китайских тружеников было не временной мерой на период военной опасности, а основным в деятельности новой власти. Предлагая такой план, Бородин указывал на опыт русских большевиков.

В середине 1926 г. перед КПК остро встал вопрос о дальнейших путях революционного движения в Китае. Казалось, было бы целесообразно сначала решить все основные задачи антиимпериалистической, буржуазно-демократической революции в провинции Гуандун, а затем дожидаться, чтобы левые силы во главе с КПК настолько окрепли, что исход борьбы в стране не вызывал бы особой тревоги. Но объективные обстоятельства не благоприятствовали этому. Они требовали перенести центр тяжести революционного движения на обширные районы Центрального Китая. Бородину, как и многим другим нашим советникам в Китае, было ясно, что нельзя более ограничивать сферу деятельности единого фронта одной провинцией, если левые силы не хотят остаться в стороне от

развития событий, что необходимо дать выход накопившейся энергии самых разных слоев народа, требовавшего освобождения всего Китая; надо было начать поход против северных милитаристов, препятствовавших национальному объединению страны.

В связи с планом Северного похода, начало которого намечалось на вторую половину 1926 г., представляет интерес точка зрения М. М. Бородина на положение в Гоминьдане. В феврале 1926 г., т. е. еще до попытки контрреволюционного переворота Чан Кайши (20 марта 1926 г.), руководитель южнокитайской группы советников Н. В. Куйбышев сообщал, что, по мнению Бородина, «в Гоминьдане как таковом мы не можем видеть опоры, это буржуазная неустойчивая партия... Сегодня она с нами, завтра — не с нами». В докладе для комиссии А. С. Бубнова М. М. Бородин говорил, что «в Гуанду недолго сидеть не придется. Укрепление Гуандуна за левыми требует продвижения на Север».

К началу 1926 г. в аппарате М. М. Бородина уже работала группа специалистов в области аграрного и рабочего движения. Она подготовила солидный труд об аграрных отношениях в провинциях Гуандун и Гуанси, собрала и другие материалы. Михаил Маркович сам принимал активное участие в выработке практических мероприятий, направленных на дальнейший размах революционной борьбы народных масс. О понимании им задач, стоявших в тот период перед революционными силами Китая, свидетельствует следующее место его доклада: «Северная экспедиция — необходимый этап работы в Китае. На всем пути она будет проводить мероприятия, способствующие развитию рабочего и крестьянского движения, должна будет разрешить или хотя бы взяться за разрешение социальных вопросов. Особое внимание будет обращено к аграрному вопросу». В соответствии с рекомендациями Коминтерна Бородин был убежден, что в тогдашних условиях Китая «только аграрная революция освободит крестьян от неслыханной эксплуатации, создаст в крестьянстве прочную базу для настоящего антиимпериалистического государства, которое одной лишь уступкой со стороны держав не будет довольствоваться, пойдет дальше в своей борьбе с экономической властью империализма в Китае».

В дальнейшем М. М. Бородин конкретизировал свою программу, выдвинув следующие предложения: «1. Развитие массового движения на основе борьбы крестьян за власть и землю, на основе классовой борьбы в городах. 2. Борьба с империализмом и для этой цели объединение усилий всех выступавших против него. 3. Использование противоречий военных группировок для ослабления позиций мартовцев. 4. Усилить и продолжать формирование новых коммунистических частей. Полк Е Тина развернуть в дивизию, а по возможности — в корпус».

К началу Северного похода Бородин находился на севере Китая и собирался уже поехать в отпуск. Но ему так и не удалось осуществить это намерение. Он был срочно вызван в Гуанчжоу, где сразу же включился в работу по политическому обеспечению Северного похода. Дело в том, что после мартовской попытки Чан Кайши произвести контрреволюционный переворот правые силы Гоминьдана начали добиваться запрещения политической работы в армии и среди народных масс на время войны. В условиях, сложившихся после событий 20 марта, М. М. Бородин отмечал, что если военно-политическая работа в армии сократилась и значение соответствующих советников понизилось, то усилилось наше влияние среди рабоче-крестьянских масс. Он считал, что советники должны «главное внимание обратить на работников по крестьянскому движению». В январе 1927 г. в Ухане были открыты курсы крестьянского движения для подготовки кадров организаторов поднимавшегося народного движения в деревне.

До конца 1926 г. М. М. Бородин работал в Гуанчжоу. Затем он вместе с членами национального правительства переехал в Ухань. Он бывал также в Пекине, Шанхае, Баотоу. Ему пришлось работать как с гоминьдановцами разного толка, так и с коммунистами, быть свидетелем их дискуссий о политике по отношению к народным

массам и империалистическим странам. Как большевик-интернационалист Бородин внес немалый вклад в укрепление связей между ВКП(б) и КПК, между народами Китая и Советского Союза.

Естественно, деятельность Бородина в Китае получила свою оценку у многих его коллег по совместной работе. Так, Л. М. Карахан писал 9 февраля 1926 г. Г. В. Чичерину: «Бородин проделал колоссальную работу исторического характера и проделал ее блестяще». А. И. Черепанов в воспоминаниях дал следующую характеристику М. Бородину: «Бородин стал не только главным советником Сунь Ятсена по всем решающим вопросам, но и большим его личным другом. При этом Бородин проявил настоящую политическую зрелость, недаром он был большевиком-ленинцем с большим партийным стажем. Бородин подходил к оценке суньятсенизма с ленинской меркой, обнаружил умение сотрудничать с мелкобуржуазным революционным движением, вести правильную линию в очень нелегких для дипломата условиях». В то же время деятельность Бородина имела и своих оппонентов, которые подвергли серьезной критике его работу, особенно в уханьский период китайской революции.

Мы не найдем прямых оценок деятельности Бородина в современной китайской историографии. Но косвенным признанием его позитивной деятельности является, например, то место в изданной Народным университетом Китая в 1962 г. книге «История Китая в период новодемократической революции», где говорится: «Бескорыстная помощь Советского Союза также является причиной достигнутых в Северном походе успехов. Во время Северного похода везде – в Национальном правительстве, в Главном штабе, среди солдат и офицеров — находились советские советники. Они внесли выдающийся вклад в Северный поход. Правильные оперативные планы были разработаны под руководством советников, система политической работы в армии Северного похода была также построена с помощью советских советников. Кроме того, во время Северного похода Советский Союз оказал и большую материальную поддержку».

Что же касается ветеранов революционного движения в Китае, то в марте 1966 г. на встрече в Уханьском музее участников Пекин-Ханькоуской забастовки 63-летний Гань Лай (ГаньБаоюань) говорил нам: «Советские советники Бородин, Галин (Блюхер) оставили свою Родину, чтобы помочь нам. Наши успехи в Северном походе неотделимы от их работы в Китае. Мы вечно будем хранить память об этом».

После «измены китайской буржуазии делу китайской революции» Бородин, как и другие советские советники, был отозван на Родину. Он покинул Ханькоу днем 16 июля 1927 г., а в 2 часа Ночи генерал Хань Цзянь устроил налет на его квартиру, рассчитывая расправиться с ним. В Пекине господствовали чжанцзолиневы. Поэтому путь М. М. Бородина в Москву лежал через северо-западные районы Китая.

Все эти годы в мировой печати мелькает его имя: интервью с «красным императором Кантона», «красным Ришелье»... В 1927 г. «Огонек» помещает его фотографию на обложке и отвечает на вопрос, интересовавший в то время многих, – кто такой Михаил Бородин. Норвежский писатель Нурдаль Григ посвятил ему пьесу «Варрава». Американец Винсент Шизн почти половину автобиографической повести «Личная история» отдал описанию деятельности Бородина в Китае.

Андре Мальро делает его одним из главных героев романа «Завоеватели», впервые опубликованного в 1928 г., в котором критически оценивает его роль в Китае, но при этом не удерживается от восторженных слов: «Бородин – великий человек дела...». Впечатление, которое Бородин произвел на супругу Чан Кайши, было настолько сильным, что изданные спустя годы мемуары она назвала «Встречи с Михаилом Бородиным». Успех Бородина в Китае был связан с тем, что ему максимально долго удавалось совершать почти невозможное, поддерживая баланс столь разносторонних сил. Видимо, он искренне верил в рекомендацию политбюро «не насаждать коммунизма».

Подчеркнуто хорошие отношения с Бородиным поддерживал и Чан Кайши, понимавший, что союз с Бородиным — необходимое условие для восхождения к вершинам политической власти. Но вскоре, решив, что может уже обойтись без его услуг, он предпринял попытку убрать Бородина. Созванная по его инициативе Конференция ГМД требует отзыва Бородина и других советников.

За триумфом последовало падение. Времена были еще достаточно «либеральными», и наказание Бородина за поражение в Китае политики ВКП(б) и Коминтерна (должен же кто-то стать козлом отпущения?) было «великодушным»: забвение. Правда, в те времена уже ставший почти полновластным хозяином страны, И.В. Сталин был еще хозяином рачительным и не разбрасывался «полезным человеческим материалом». Энергия, организационные способности Бородина сначала были использованы в «битве за советскую бумагу» (возглавил ее производство), а затем в наркомате труда, где новый замнаркома применял свои знания в организации труда, полученные в американском университете.

В 1932 г. в жизни Бородина происходит резкий поворот. Отныне его судьба до конца дней связана с журналистикой. За два года до этого американская журналистка А.Л. Стронг вместе с Бородиным, которого знала еще с 1918 г., задумала издание газеты «американского типа» на английском языке для иностранных специалистов, работающих в СССР. Первый номер «Московских новостей» вышел 5 октября 1930 г. В представлении газеты иностранным журналистам участвовала Фанни Бородина – директор Технической школы иностранных языков.

Естественной частью новой жизни Бородина, вскоре ставшего главным редактором газеты, были постоянные контакты с иностранцами. Время от времени «Московские новости» сообщали о том, что он принимает в редакции американскую делегацию, выступает на митинге иностранных рабочих и специалистов. С некоторыми из иностранцев он по воскресеньям встречается за завтраком у себя дома.

Хотя сам Бородин оказался, и уже навсегда, на периферии политической жизни, интерес к его личности время от времени вспыхивал. Его имя оказалось вновь в центре внимания во время событий, не имевших к нему непосредственного отношения. В Москве шел процесс Пятакова, Радека, Сокольников и других, но главным заочным обвиняемым был Троцкий. В марте 1937 г. для проведения контр-процесса была создана комиссия. На Троцкого с обвинениями в стремлении раздуть мировую революцию обрушился член комиссии, университетский профессор и журналист Карлтон Билс. Он хотел выяснить, знает ли Троцкий Бородина. «Лично нет». «Он основал первую коммунистическую партию в Мексике. В то время он заявлял, что он ваш эмиссар». Троцкий: «Мой? В то время я находился в военном поезде. Я забыл всю мировую географию, кроме географии фронтов».

По мнению биографа Троцкого И. Дойчера, «постановка вопроса предполагала, что Троцкий лжет комиссии и, более того, пытается разжечь революцию в стране, ныне предоставившей ему убежище... Билс подчеркнуто повторил свое утверждение, добавив, что Бородин сам объявил, будто Троцкий послал его в Мексику, и что уже в 1919 г. компартию России разрывали противоречия между государственными деятелями и разжигателями революции. «Могу ли я осведомиться об источнике этого сенсационного заявления? – спросил Троцкий. – Оно опубликовано?» «Оно не опубликовано», – сказал Билс. «Я могу только дать совет члену комиссии сказать своему информатору, что он лжец», – возразил Троцкий. «Благодарю Вас, мистер Троцкий. Мистер Бородин является лжецом». «Очень возможно», – лаконично ответил Троцкий... Дело Бородина не имело ничего общего с процессами в Москве и, казалось, было привлечено лишь с тем, «чтобы поставить в затруднительное положение и его самого, и мексиканское правительство». Троцкий настойчиво добивался ответа: если информация получена непосредственно от Бородина, пусть Билс скажет, где и когда это случилось. Билс в 1919 г. находился в Мексике, активно сотрудничал с рабочим движением и мог или встречаться с Бородиным,

или слышать о нем от своих товарищей, но открывать источники информации не стал и подал заявление о выходе из комиссии.

С начала войны Бородин начал работать еще и заместителем руководителя Совинформбюро С. Лозовского, бывшего генерального секретаря Профинтерна, – вплоть до ареста (в конце января или начале февраля 1949 г.). Шла кампания борьбы с «космополитизмом», а в «космополиты» Бородин подходил по всем статьям. С арестом главного редактора прекратилась деятельность «Московских новостей», издание которых было возобновлено только в 1956 г.

М. М. Бородину отправили в якутский лагерь. Для 64-летнего человека это было фактически смертным приговором. В 1951 г. он там и умер. О его смерти мир узнал 3 сентября 1953 г. из сообщения московского корреспондента «Нью-Йорк таймс» Гаррисона Солсбери, известного тем, что первым из журналистов сообщил о смерти Сталина.

О жизни и деятельности М. Бородин после 1927 года написано мало, в основном в энциклопедических изданиях. В одном из них говорится, что «первоначально ему предоставили административную должность заместителя наркома труда, но затем столичная карьера Бородин стала развиваться в желаемом для него направлении. Он перешёл на ответственную журналистскую работу, был главным редактором газеты «Moscow News» (1932), зам. директора ТАСС (в этом качестве его принимал 3 марта 1941 г. в своём кремлёвском кабинете И.В. Сталин, с которым он был знаком ещё со времени первой Русской революции), главный редактор Совинформбюро (1943–1949) Много переводил в 1930-40-е годы с английского языка. 28 февраля 1949 г. арестован по обвинению в работе на американскую шпионскую сеть. Во время следствия здоровье Бородин ухудшилось, и он окончательно скончался 29 мая 1951 г. Реабилитирован. Жил на ул. Ивановского, 5. Прах в колумбарии Новодевичьего кладбища».

1. Астафьев, Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. – 1984. – №9. – С.74–82.
2. Бородин (Грузенберг) М.М. // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1927. – Т.7. – С. 182.
3. Бородин (Грузенберг) М.М. // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1970. – Т.3. – С. 1720–1721.
4. Бородин (Грузенберг) М.М. // Новая Российская Энциклопедия. – М., 2007. – Т.III(1). – С. 366.
5. Бородин (Грузенберг) М.М. // Московская Энциклопедия (МЭ). – М., 2007. – Т.1. Лица Москвы. Кн.1. – С. 214.
6. Воронцов, В.Б. Михаил Бородин: жизненный подвиг и трагедия // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. №5. – С.86–98; №6. – С. 135–147.
7. Мировицкая, Р.А. Михаил Бородин (1884–1951) // Видные советские коммунисты – участники китайской революции. – М.: Наука, 1970. – С. 22–40.
8. Новейшая история Китая (1917–1970). – М.: Мысль, 1972. – 437 с.
9. Новейшая история Китая. 1917–1927. – М.: Наука, 1983. – 399 с.
10. Советские добровольцы в Китае в 1923–1927 гг. Воспоминания. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 164 с.
11. Хейфец, В.Л., Хейфец, Л.С. Псевдоним – Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! //Латинская Америка. –1994. – №3. – С.107–115.
12. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Михаил Бородин в Новом Свете: дипломат или миссионер Коминтерна? //Аmericana. Вып.2. Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт истории взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. Волгоград: изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – С.118–132.
13. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае. М.: Гл. ред. восточной лит-ры, 1976. – 648 с.
14. Черепанов, А.И. Поле ратное моё. М.: Воениздат, 1984.– 304 с.
15. Черепанов, А.И. Северный поход национально-революционной армии Китая (Записки военного советника). М.: Наука, 1968. – 304 с.
16. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны М.: Наука, 1964. – 287с.
17. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае (1925–1927). М.: Наука, 1971. – 311 с.
18. Holubynchy Lidia. Michael Borodin and the Chinese Revolution, 1923–1925. Michigan: Columbia University, 1979. – 503 p.